

ДЖЕЙД ДЭВЛИН
КАРБОН

АЛАЯ СОВА
ИНСОЛЪЕ

Карбон
Джейд Дэвлин
Алая сова Инсолье
Серия «Алая сова», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336309

Аннотация

Попасть в другой мир, чтобы обрести зрение и встретить судьбу? Почему бы нет. Особенно если эта судьба – злющая, как не знаю кто, но такая красивая...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	72
Глава 13	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джейд Дэвлин, Карбон

Алая сова Инсолье

Глава 1

Инсолье

– Засим отступник приговаривается к очищению огнем. – Слова архиепископа, который не более чем несколько лун назад хвалил меня за усердие и послушание, раздались в зале суда как гром среди ясного неба. Толпа ахнула и загомонила. Откуда-то посыпались одобряющие ругательства, а где-то зарыдали женщины. Я же лишь горько усмехнулся, не сводя презиравшего взгляда с заплывших жиром глазенок высшего духовенства.

– Поддерживаем, – согласно закивали золотые бороды, неспособные даже жрать без помощи слуг.

– Да будет очищена эта бедная заблудшая душа, – а вот этот голос, единственный из всех, вызвал у меня истинную волну ненависти. Жалеет она меня, святая идиотка. Шлюха церковная. Если всех остальных в этом зале я хотел просто убить, посадив на кол, то вот эту... эту хотелось сначала окунуть во все то дерьмо, что творится вне ее прекрасного

храма. Мордой ткнуть во все человеческие грехи и пороки. И лишь потом сбросить труп в выгребную яму.

Ничего... осталось недолго. Во дворе уже сложили «очищающий» костер и даже полили его специальным благоухающим маслом. Чтобы зрители не чувствовали смрада от сжигаемой заживо плоти и им казалось, что благословенный огонь испепеляет лишь человеческие грехи, отправляя душу на небеса. Стадо.

Меня сдернули с помоста, пинками толкая к кострищу. Суд, ну конечно. Какой же это суд, если эти твари мне даже кляп изо рта не вытащили. А так называемой защитой выступала вот эта вот блаженная, одетая в красное бесформенное тряпье, как соломенная кукла на ярмарке. Да если бы не эта debilка со своим судом, я бы уже сбежал! Но видимо, у мертвых богов были свои планы на мою жизнь.

– Сожалеешь, темное отродье? – Ну шатт, еще и этот поборник нравственных пыток и извращений. Хотя нет, не только нравственных. На себе испытал.

Я уставился на него как на умалишенного и демонстративно прикусил кляп окровавленными губами. За что снова по ним же и получил. Тварь, на тебе железные перчатки!

– Ничего, скоро ты перестанешь ерничать. Хотя ты прав, – тут он резким движением сдернул кожаный ремень кляпа, чуть не порвав мне рот, – верующие должны слышать твоё раскаяние, когда огонь поглотит тебя.

Отлично, рот свободен. Главное – не показать своего ли-

кования и лишь с «досадой» сплюнуть кровь на белые мраморные ступени храма.

– Это дурман-трава. Она притупит боль, – вдруг раздалось с другого бока ненавистным голосом. Клянусь, если я еще раз услышу этот противный щебет, то не сдержусь и весь план полетит гулям под хвост.

– Засунь ее себе в ***, алая сова. Поверь, тебе это скоро понадобится, судя по взглядам архиепископа на твою святую задницу, – не смог я промолчать, за что еще раз отхватил железной перчаткой от бывшего коллеги из ордена. – И тебе тоже. Он и мальчиками не брезгует, – получилось слишком хрипло, и меня не услышали. Ну, хоть что-то хорошее.

Мое практически безвольное тело наконец затащили на кострище и привязали к грубо обработанному столбу. Преодолевая боль, я еще раз заплывшими глазами оглядел весь собранный на этот площади сброд и, не выдержав, припадочно-счастливо рассмеялся. Ну что, сволочи? Все здесь? Все-е-е. И даже боров в макитре, отдавший приказ сжечь поместье отступников. И паладины в блестящих латах с алой совой на нагруднике – тот самый отряд. И шаттов красавчик с белым плюмажем на шлеме – командир, лично убивший всех некромантов в «яме греха». И она... храмовая идиотка, считающая себя избранницей Бога, с искренне-тупой скорбью в глазах. Вот ее я, пожалуй, оставлю в живых. Вообще не трону. Пусть почувствует... всю мою боль.

Так приступим же к настоящей казни!

Алла

– Алла Анатольевна, задержитесь на минутку! – Директор нагнал меня уже в дверях.

– Да, Алексей Борисович? – В моем голосе скользнуло легкое нетерпение. Внутренние часы подсказывали, что до начала занятий с группой «Б» в детском центре слабовидящих всего тридцать семь минут. А мне еще надо успеть зайти в магазин, прежде чем спуститься в метро.

– Алла Анатольевна, большой рояль в концертном зале снова не в порядке. – Директор явно чувствовал себя виноватым. – Младшие классы остались без присмотра всего на полчаса, и вот... а у нас отчетный концерт в конце месяца, вы же знаете. Шпелер готовится к международному конкурсу, приедет комиссия...

– Завтра, Алексей Борисович, – пообещала я, улыбнувшись в его сторону. – Завтра приеду пораньше и настрою инструмент до начала занятий.

– Вы наше спасение! – облегченно выдохнул директор музыкальной школы номер один, самой престижной в нашем городе. – Просите взамен что хотите!

– С вашего позволения, я приберегу это желание на будущее. А сейчас извините, Алексей Борисович, мне надо...

– Да-да, конечно! – Движение воздуха и легкий шорох подсказали, что путь свободен. Даже эхолокацию не при-

шлось использовать. Хотя у меня уже давно это выходило на автомате.

Я потеряла зрение в девять лет. Возраст достаточный, чтобы еще помнить, что такое – видеть. И в то же время еще не настолько взрослый, чтобы смириться.

Мне очень повезло с родителями. Они не захотели смириться вместе со мной. И твердо пообещали, что я буду жить полной жизнью, не хуже тех детей, у которых с глазами все в порядке.

Чего мы только не перепробовали за следующие двадцать лет. И частная школа для слабовидящих за бешеные деньги. И нетрадиционные специалисты с их нетрадиционными методами – от откровенных шарлатанов до сумасшедших гениев.

По правде сказать, моя слепота дала мне какое-то ненормальное упорство в достижении цели – даже из общения с шарлатанами я умудрялась извлечь хоть что-то полезное. Так или иначе, научилась я действительно многому. Один метод эхолокации чего стоит.

«Щелкать» меня научил очередной гений. И он действительно оказался гением – слепой музыкант, лауреат каких-то там конкурсов. Он подарил мне метод, с помощью которого я даже на велосипеде могла ездить. А заодно подарил музыку. И профессию.

Сколько всего и разного мы перепробовали с этим чокнутым экспериментатором – вспомнить и страшно, и приятно.

Гарольд Рудольфович очень радовался, что у него появилась готовая на все и такая упорная ученица. Даже книгу написал о наших открытиях и мое имя вывел на обложку наравне со своим. Этот человек стал мне вторым отцом... и открыл мир заново.

А воображение и химия мозга дополнили картинку. Я даже цвета научилась различать – прикосновением. Сложно объяснить, как это, но красный отличался от синего всем – температурой, ощущением под пальцами, откликом на особый щелчок гортанью...

Конечно, полноценного зрения этим не заменить. Хотя я даже обычные книги могу читать – все так же, на ощупь, различая разницу между черными буквами и белым листом бумаги. Но, конечно, это медленнее и труднее, чем глазами...

Можно чувствовать небо, его пустоту и простор, ощущать на лице солнечные лучи и тень бегущих туч. Можно помнить, какое оно синее. Но увидеть его без глаз все равно нельзя.

Чего бы я только не отдала за здоровые глаза...

Потому что без них, будь ты хоть самой крутой летучей мышью, умеющей ориентироваться в потоке людей и машин, ничто не защитит тебя от выскочившего на пешеходный переход бешеного мотоциклиста. Особенно если звук его мотора заглушит гудящий на перегреде электровоз.

– Куда прешь, ду-у-ура! – чужой крик забил уши, напрочь отрезая для меня любую возможность сориентироваться.

А потом был удар, такой силы, что показалось – я словно разлетелась на части. Одна упала на шершавый асфальт, а вторая все летела, летела... пока не врезалась во что-то.

Это что-то всхлипнуло и вдруг зарыдало так, как будто это его... то есть ее убили.

Глава 2

Инсолье

«Раз и два – это не только слова, – повторял я в голове детскую считалочку, ожидая, когда к моему костру поднесут факел. – Три, четыре – меня нету в этом мире».

Искаженные лица толпы прекрасно дополняли создаваемую мной картину будущего страшного суда.

Огонь лизнул мертвое дерево и пропитался его силой. Идиоты... какие же они здесь все сволочи и идиоты! Пока меня держали в удручающе пустом каменном мешке, в котором даже пыли не было, я действительно не мог ничего сделать. Потому что камень – не мертвый. Он просто очень медленный и лишь оттого кажется неподвижным. Если бы меня придушили или обезглавили прямо там, как хотел обладатель белого плюмажа и все его совы-прихвостни, у них бы получилось. Но кое-кто захотел справедливости для преступника! Честного суда и последующего «очищения» души! Ха! Я, наверное, еще как-нибудь поблагодарю ее. Искренне поблагодарю, а потом... потом видно будет.

«Пять, шесть – у меня для вас, гниды, есть весть».

К моим ногам они сами бросили силу смерти аж дважды.

Мертвая древесина, срубленная. Та, жизнь которой прервали насильно, остановив движение соков. А теперь ее еще и жгли, убивая второй раз все, что успело в ней завестись.

Я не маг огня, тут вы все правильно вычислили. Но... Всегда есть одно маленькое, но очень значительное «но». Хотя нет. В вашем случае это – одно. Большое. Но! Которое полностью перевернет наши с вами судьбы.

«Семь, восемь – искра ударит оземь.

Девять, десять – кто смерти сеть развесил,

Сегодня собирает урожай!»

Огненная стена вырвалась вверх и в стороны, извиваясь в такт моему смеху. Колодки, в которые меня запихнули, тоже были деревянные, и ускорить их смерть в пламени уже ничего не стоило, хотя и пришлось перетерпеть боль. Ничего, залечу. Все залечу. А вот вы... вы, церковные падальщики, сейчас сгорите заживо! Точно так же, как только что хотели сжечь меня. И как удобно, что вы разлили эти волшебные благовония, не так ли? Толпа будет искренне думать, что вы просто исчезаете в божественном свете, да! Хм, чудесный запах... пусть я и предпочел бы чувствовать смрад ваших тел. Такой же, какой чувствовали вы, сжигая мой дом и близких.

Я с наслаждением смотрел, как воет и катается по помосту боров в макитре, как разбегается с визгом толпа, которой тоже подпалили хвосты. Как золотое воинство с дикими криками умирает в пламени, наполняя его новой силой.

Умирайте! Умирайте же, твари божьи! Питайте мой огонь своими жизнями и болью! Я практически счастлив!

Только вот... что это? Почему там, около одной из трибун, моя сила наткнулась на препятствие? Собрав энергию с догорающих трупов, ударил в ту сторону еще раз. Послышался невнятный женский вскрик, и я снова облегченно выдохнул. Теперь точно все. Жаль, что у меня нет больше времени на просмотр столь благословенного и буквально греющего душу и сердце зрелища. Нужно уходить, чтобы не стать жертвой своей же волшбы. Все равно мне больше никто не мог помешать. С каждой сгоревшей тварью мое пламя становилось только сильнее, никакие щиты паладинов не спасут. Это место выгорит дотла! Площадь, храм, а главное – вся верхушка проклятого ордена и хорошая такая часть их тупой бараньей паствы.

А у меня найдутся дела поинтереснее, чем разгребать пепел. Кстати, куда пойдет после сегодняшней казни одна святая идиотка? Надо будет немного выждать, а потом проследить. Ее-то огонь не тронул – я постарался сознательно. Пусть теперь живет с этим, избранная... дура. Пусть живет и каждую секунду вспоминает, что именно натворила своими благими намерениями. По крайней мере, пока снова не попадется на моем пути!

Месяц спустя

Шатт возьми, обидно.

Я откинулся головой на полусгнившую солому, вдыхая запахи мокрой земли, помоев и собственной крови. Где-то наверху, в ветках полусохшего дерева, орала ворона. Видно, уже предвкушала обильную и питательную трапезу, не чета обычному мусору.

«Кар! Кар!» звучало скорее как «мясо! Мясо!». Знаете, я даже не обижался на эту птицу.

Но до чего же досадно и глупо. Глупо подыхать от ножа в спину, когда мог бы захватить мир. Ну, может, не весь. Зачем мне такая морока? А вот изрядный кусок точно.

Еще немного – и я бы основал новый темный дол, собрал тех, кто еще выжил в этой священной резне, устроенной фанатиками. Хотя не... собирать не стал бы, обойдутся! Я сам справился, и они сумеют, если есть хоть зачатки силы и усердия. А мне никто не нужен! Это был бы мой дол, мой дом, мой...

Кха... Кровь на губах, медный вкус на языке. Дерьмово. Значит, легкое все же пробито. Сдохнуть в выгребной яме – демонов «господин плюмаж» хохотал бы до колик, если бы не откинул копыта раньше. Обидно... или нет?

Весь месяц, как только схлынуло опьянение после фейерверка смерти, я таскался по кабакам, как неприкаянный.

Мсть свершилась. В покоях темных богов для моих родителей и сестры отныне будет гореть камин, который станут топить душами их убийц.

Все хорошо. Я сумел. Справился.

Только дальше-то что?! Зачем теперь жить?

Я прикрыл глаза и хрипло, зло засмеялся. Смех перешел в судорожный кашель. Шатт! Больно.

Допился, алкоголик. Смысл жизни он потерял, истерик недорезанный. Тьфу, теперь-то уже вполне дорезанный. Выжег всю верхушку церкви и вылез живой из самой глубокой жопы мира. А тебя порешили простые уличные бандиты, позарившись на пухлый кошель.

Мысли уплывали в туман, но упрямая злость все не давала отключиться. Пш-ш-шла! Шаттова птица, я еще не сдох! И возможно, даже... выживу... всем... назло...

– Господин, вы меня слышите?

Ну все. Предсмертные видения пожаловали. Точнее, пока только голос. Подозрительно знакомый голос!

– Господин... хм. Нет, не отвечайте. Лучше молчите, с таким ранением разговаривать нельзя. Хрюша, фу! Беги и принеси мою сумку.

Веки словно свинцом налились, но изумление было столь велико, что я их все-таки поднял. Даже несмотря на то, что это стоило последних сил.

Надо мной склонилась она. Дура. Прекраснодушная идиотка. Гребаная святая сволочь.

Ослепла, что ли! Не видишь, кого тебе мертвые боги под ноги послали?!

И в следующую секунду понял: не видит! И правда не видит!

Глаза святой сволочи были едва прикрыты полоской алой ткани, явно оторванной от подола когда-то строгого орденского платья. А под повязкой проглядывали пустота и след от ожога.

Какого шатта?! Кто посмел?!

Слепая. Она слепая!

И тащит меня из помойки исключительно потому, что не видит, кто перед ней. Как там говорили эти больные праведностью идиоты? Неисповедимы пути богов.

Глава 3

Алла

За прошедший месяц стала уже почти привычна мысль, что я – не совсем я. То есть тело было почти мое – при ощупывании не ошибиться, с моей тактильностью и умением запоминать ощущения. Но все равно разница вылезла сразу.

Во-первых, я стала моложе. И худее. Такой я себя помню лет в семнадцать, наверное. А еще у меня обнаружились длинные волосы, ужасно неудобное платье из шелка и страшный ожог на месте глаз.

Вот так... даже попав из своего мира в чужой, я, увы, осталась слепой. Собственно, ожог был и у моего прошлого тела. Но не такой свежий. Мой давно зажил.

Обидно, конечно, до чертиков. Нет, спасибо, что живая, да. Только как бы не помереть прямо сразу. Потому что, когда я очнулась после удара мотоциклом, вокруг меня было не только привычно темно, но еще и очень шумно. Причем шум был неправильный.

Короче говоря, меня в тот момент почти парализовало. Не тело парализовало, а мозг. И когда на меня кто-то рявкнул из темноты: «Убирайся, чтобы тебя здесь больше нико-

гда не видели! Не смей приближаться к храму, ты этого недостойна!» – я послушно встала сначала на четвереньки, потом на ноги, машинально пощелкала и поняла, что под ногами у меня грунтовка, за спиной какое-то большое здание и толпа людей, а впереди пустота. В эту пустоту я и побрела.

– Но, господа, разве святая не спасла нас, закрыв собой от огненного проклятия? – раздался неуверенный шепот откуда-то сбоку.

– Если бы не она, отступника казнили бы раньше и он не смог бы применить свою черную магию! – зло оборвал этот шепот прежний голос. Мужской, кстати. И вроде бы смутно знакомый. Странно, что только смутно – я прекрасно умею запоминать людей по звучанию. – Так что пусть скажет спасибо, что ее отпускают живой!

Ну, спасибо так спасибо. И надо убираться отсюда как можно скорее.

Я брела и щелкала, ощупывая дорогу эхолокацией, довольно долго. Пока людской гомон и прочий неправильный шум не остались далеко за спиной. Вокруг стал ощущаться лес, который шумел уже нормально – как обычному лесу и положено. Наверное, от этой правильности у меня мозги немного расклинило.

Я свернула с грунтовки, прошла немного вглубь зарослей, осторожно касаясь веток и отводя их руками. Выбрала место посуше и уселась под куст.

Итак, что в итоге? Я какая-то святая. Бывшая святая, вне-

сем поправочку. Защищала, кажется, какого-то отступника, который потом очень сильно нагадил тем людям. И не зря, наверное. Раз они так легко выкидывают слепую женщину, которая спасла их жизни, в лес. С другой стороны, может, для меня так даже лучше? Я ведь не она. Мало ли... как тут к попаданцам относятся. Если существует «огненное проклятие» и прочая магия, а также храм, где пытались казнить некоего отступника... короче, чем дальше я буду от всех этих прелестей, тем целее останусь.

Поехали дальше. Огненное проклятие, хм... магия. А как святая защитила народ от этой штуки? Может, у нее тоже было что-то типа волшебства? И куда оно делось в таком случае? Осталось со мной или упорхнуло вслед за прежней владелицей тела?

М-да. Вспоминать тот день до сих пор тяжело и интересно. Тяжело, потому что сами попробуйте умереть, попасть в чужой мир и огрести непонятно за что в течение нескольких часов. А интересно – потому что именно тогда я обнаружила, что не все так плохо в этом мире.

– Хрюша, перестань на него рычать, он сейчас и воробья не в состоянии обидеть. – Я устало вздохнула и заправила за ухо длинную прядь. Надо обрезать эту шевелюру, в который раз себе обещаю. Всегда носила короткую стрижку, так удобнее и проще, особенно если все равно не можешь полюбоваться на себя в зеркало. Так, берем раненого за ноги... Где они тут? Ага. И тащим. Рану я ему перетянула. А на пле-

чи взвалить не сумела – здоровенный лось. Как сознание потерял – стал еще тяжелее.

– Хрюш, сумку взял? – Боров недовольно всхрапнул и мотнул неповоротливой башкой, сунув мне под руку жесткошерстное рыло, опоясанное полотняной лямкой. – Ага, молодец. Пошли потихоньку. Мне неудобно задом наперед дорогу обшаривать, предупреждай, где свернуть, ладно? Нам нужна полянка у ручья.

– Топить будешь? – с сарказмом прохрипел вдруг недобиток. Пришел в себя? Сочувствую. А отвечать не стала, я все еще плохо умела управляться с силовыми линиями, и, хотя я изо всех сил тренировалась совмещать их со своим щелканьем, получалось пока хуже, чем просто эхолокацией.

Шага через три я все же сообразила, что можно и нормально идти, а не пятиться, как рак, волоча за собой изредка шипящее и стонущее тело. Просто развернулась, взявшись за ноги страдальца как за оглобли от тележки, и двинулась дальше по протоптанному Хрюшей пути.

– Шатт, значит, пытаться, – раздалось позади. – Если моя голова еще раз стукнется о камень, ты дотащишь лишь труп, идиотка.

Точно, нехорошо так. Хм...

Недолго думая, я свистнула и, когда кабан прибежал на зов, вытряхнула из сумы драный плащ, которым укрывалась ночью вместо одеяла. Мне его одна бабушка дала в уплату за то, что Хрюша прогнал с ее двора какую-то мелкую ма-

гическую чупакабру. Эх, жаль, сейчас ветошка еще сильнее подерется. А что делать?

Не вступая в долгие дискуссии с транспортируемым телом, я деловито расстелила плащ рядом с ним на земле и ловко – сказался опыт волонтерства в хосписе – перекатила раненого на полотно. А в капюшон запихнула нижние юбки – у меня их оказалось целых пять штук, и четыре из них сразу ушли в суму. А теперь вот пригодились. Теперь под спиной раненого был плащ, а под головой – мягкая подушка. Хоть как-то убережет бедолагу от камней.

Пока я возилась, парень настороженно молчал, хотя его взгляд я физически ощущала на себе.

– Потерпи, скоро устроимся у воды, и я тебе помогу, – пообещала я и снова впряглась в поклажу, только теперь тянула не за ноги, а за полы плаща, на котором разместился раненый.

– Что ж, раз так, то благодарю, прекрасная госпожа. – В голосе недобитка прорезались искренне благодарные нотки. Хм, резко он сменил риторику. Хотя что взять с того, кого проткнули ножом и бросили умирать? Наверняка он сначала просто не понял, кто я и что собираюсь сделать. А теперь разглядел вот. – Ваша помощь будет очень... желанна. И простите мне мою недавнюю невежливость.

– Не берите в голову. Лучше вы ее, голову эту, устройте поудобнее в капюшоне, – пропыхтела я. – Хрюша, далеко еще до ручья?

– Хру-у-у!

– Ага, спасибо, дорогой...

– Только я не понимаю, вы же из церкви светоносного, не так ли? – прохрипел через какое-то время раненый. Да что ж он такой разговорчивый не к месту? – Не легче было просто исцелить на месте, а потом...

– Нет. – Я коротко мотнула головой. – Не оттуда. И прошу вас, помолчите. С вашим ранением вообще нельзя разговаривать. А если не будете слушаться, я вам рот завяжу.

Глава 4

Инсолье

Я чуть кровью не подавился и не помер от попыток удержаться дурной смех. С каких это пор святая научилась угрожать? Она что?! Завяжет мне рот, если не заткнусь?! Серьезно? Ну что, кажется, я могу гордиться. Ведь я, получается, первый, кто смог привить хоть капельку мозгов в эту пустую черепушку, умеющую только стенать и молиться.

Только почему она тут? Почему она слепая и кто посмел выжечь ей глаза? Когда? И как это – «не оттуда»? С каких пор, спрашивается? Неужели я принял за святую идиотку совершенно другую девушку? Да быть того не может, я-то не слепой. Это лицо и этот голос я узнаю даже после пяти бутылок оркского пойла. Только они поднимают во мне такие волны неконтролируемого гнева и ненависти.

Конечно, все эти вопросы пришлось держать при себе. Раз решил поиграть в благородного паиньку – надо соответствовать. И не ржать даже про себя, а то голос выдаст.

Средоточие магии в груди билось неровно и болезненно, точно припадочное. То ли оттого, что едва не проткнули ножом, то ли от диковатой радости – надо же, я ведь сам со-

бирался разыскать эту святую гадючку, чтобы посмотреть, как ей живется теперь. Ну, и сделать что-нибудь... интересное.

И тут она сама, своими руками укладывает меня на какую-то драную тряпку и тащит... куда, кстати?

Оказалось, в кусты. Натурально, в кусты!

А еще она все время с кем-то разговаривает, и этот кто-то шуршит кустами, хрустит ветками и недовольно хрипит. Что за тварь? Откуда взялась? Какой-то немой, что ли? Вроде языков я алым не резал...

— Здесь? — спросила между тем девушка, отпуская плащ. — Да, спасибо, я слышу воду. Умница. — И она повернула голову в сторону особо густых зарослей. — И вы будьте умницей, господин. Полежите спокойно, пока я все приготовлю.

Кто? Я? Умницей?!

Идиотка, она все еще такая идиотка... Мне же нельзя смеяться! Сама сказала!

Она тем временем довольно шустро для слепой ползала вокруг меня по кустам, шуршала, хлюпала водой в закопченном котелке, неловко потрошила свой узел, но аккуратно раскладывала возле меня некие пузырьки, полосы бинтов и прочую муть. Что она вообще делает, интересно? Деревенская знахарка покусала? Наложением рук больше не лечим?

— Извините. — Девушка закончила свои таинственные приготовления и села рядом, легко коснувшись моего лица кончиками пальцев. Я с трудом подавил в себе желание дернуть

головой, словно дикий пес, и впиться зубами в тонкое запястье. – Я сделаю все, что смогу. Для начала выпейте, пожалуйста. – Она приподняла меня, подхватив под плечи и сунув под нос плоску с некоей дрянью.

Дрянь даже пахла приторно – буэ-э-э... Терпеть не могу сладкое, если оно не кислое или не острое.

– Может, я лезу не в свое дело, синьорита, – захрипел было я, не выдержав издевательств, – но на вас храмовое одеяние жрицы. Если мне не изменяет память, подобные вам должны лечить магией, а не... сладостями.

Чашка возле губ дрогнула, но тут же неумолимо приблизилась снова.

– Выпейте, пожалуйста. – Слепая дурочка непреклонно покачала головой, и я едва не взвыл, давясь злостью пополам с еще одним непонятным чувством. Тон и жест были мне знакомы до последней нотки, до мельчайшего движения. И означали они, что даже целый отряд алых сов не сдвинет эту тощую дуру с места, если она уперлась.

Может, она все-таки поняла, кто я, и таким образом мстит? Мол, лечить не стану, пусть помучается? Да ну, с такой улыбкой это невозможно. И впрямь же беспокоится, тычет в меня своей приторной дрянью так настойчиво, что еще немного – и просто разожмет мне челюсти силой. А потом вольет что хотела.

На долю секунды промелькнула мысль о яде, но я тут же отбросил эту идею. Девчонка сейчас может просто задушить

меня платочком, к чему такие сложности? Да и не в ее это характере, если сжигать – то с проповедями и молитвами.

Пришлось давиться. Ну так и знал – вслед за сладостью по горлу змеей скользнул спазм, и я едва не выплюнул все внутренности, заходясь кашлем. А святая гадина еще и помогала, держала за плечи, поворачивала на бок, чтобы не харкал кровью на себя самого, нажимала куда-то между лопаток, отчего вся дрянь лилась из меня просто-таки потоком.

Ладно, стоит признать – меня действительно лечат. Крови в легких после пытки не осталось, и дышать сразу стало легче. Когда она успела дорезать на мне рубашку, намазать вокруг раны непонятной мокрой жижей и перетянуть грудь тугой повязкой, я в спазмах даже не понял.

Отдышался, прохрипел нечто благодарное и после того, как немного пришел в себя, вдруг понял: раз храмовая дура не использует свои способности, обрекая «пациента» на мучения... скорее всего, она просто не может их использовать. Отлучили избранную? Не смешите. Это паладина вроде меня можно отрезать от божественной энергии (тем более что той во мне никогда и не было), а святую пальцем трогать побаиваются. Обычно даже наказывают спустя рукава.

Но этой кто-то выжег глаза. И отправил скитаться по дорогам в обносках. С каким-то немым уродом. Ну а кто, как не урод, будет, все время кряхтя, прятаться в кустах и даже рыла оттуда не высунет?

В голове только единственный вариант – эта идиотка сама себе придумала такое искупление. Последователи светоносного любят такие игры: дать обет, к примеру, не мыться два года, вымаливая свои грехи. Может, и она решила поиграть в странствующую лекарку, которая тянет за собой всех сырых и убогих? Скорее всего.

– Вот так... – Шатт, не так часто меня укладывали столь ласково и бережно и поили теплой водой столь заботливо. Если закрыть глаза и забыть, что рядом святая идиотка, даже приятно. Точно приятнее, чем сдохнуть среди помоев.

– Теперь вам нужно спать, – скомандовала девчонка и погладила меня по голове. – Я укутаю вас потеплее и посижу рядом, пока не уснете. А утром вам будет легче.

Шатт, какую-то магию она все же использует, только непонятно... Впечатление, что через задницу, а не как порядочной святой положено. Даже на мне раны так быстро не заживают, а тут уже почти не чувствую боли, только легкую щекотку там, где в спину вошел клинок.

Уложили меня на боку, чтобы не на ране лежать, действительно укутали и долго держали теплую крошечную ладошку прямо поверх тряпок в районе прокола. Мне было жуть как любопытно, что такое творится, но сладить с этой неизвестной хренью я не сумел. Заснул.

В голове же крутилась одна-единственная навязчивая мысль: а собственно, как же эту блаженную зовут? За все время моего пребывания в ордене я ни разу не заинтересо-

вался ее именем.

Глава 5

Алла

Не знаю, как прежняя хозяйка этого тела пользовалась своими способностями. Может быть, и наложением рук умела лечить. Я же пока могу ими только ощупывать окружающую действительность. Ну и иногда гладить чужие тела изнутри. Очень осторожно гладить, потому что бог его знает, коснешься сильнее – и навредишь, вместо того чтобы помочь.

О том, что эти цветные линии в голове вообще существуют, я узнала, когда отошла от места своего «попадания» часа на три. Да, иного способа измерить расстояние у меня тогда еще не было. Более того, сельская местность совсем иначе отзывалась на эхолокацию, чем привычные бетон и асфальт, приходилось щелкать языком гораздо чаще, и он у меня даже разболелся.

И все равно пару раз едва не навернулась. Вот когда это случилось во второй раз, уже в полете носом к земле я вдруг выбросила из себя... ну, больше всего это было похоже на паутину. Несколько паутинок. Разноцветных.

Паутинки для начала затормозили падение, и я не рас-

шиблась. А потом принялись шустро шарить вокруг. И я прямо в голове увидела, как они, словно радар на экране, обрисовывают очертания дороги, кустов по обочинам, каких-то деревьев... даже камней под ногами.

Это было немного похоже на мультфильм. Но в то же время невероятно круто! Я так давно привыкла опознавать предметы вокруг только на ощупь и по звуку, а тут мне их показывают. Пусть даже так, схематично!

Я на какое-то время забыла и про попадание, и про то, что, возможно, где-то там, за спиной, опомнились и снарядили погоню... Я кинулась «обрисовывать» паутинками все подряд и экспериментировать напропалую, чтобы совместить ощущения и раскрасить темноту в еще более четкие образы.

Так и развлекалась, пока...

– Хру! – прервал мои воспоминания кабан, высывая рыло из облюбованных зарослей. – Хру-хра!

– Уснул, да, – согласилась я, бросив паутинку в сторону спасенного мужчины. – Скажи, я хорошо справилась? Гладила рану изнутри, ничего не повредила, ни один сосудик не порвала!

– Хру. – Животина выбралась из листьев и прилегла рядом, пихнув теплым боком мое бедро. Влажный пяточок поддел ладонь – чеши, мол.

Хрюшу я нашла как раз тогда, в самый первый день, когда мой энтузиазм с радаром из паутины едва не довел меня

до обморока. Не знала же, что эта «магия» требует подпитки. И когда снова едва не навернулась на дороге от резкого головокружения, я просто поползла в ближайшие кусты. Где и нашла это странное существо. Как мне сначала показалось – мертвое.

Я на него ладонями наткнулась и даже вскрикнула от неожиданности. Шершавое, точнее, в жесткой, как щетка, щетине, едва-едва теплое и не дышит. То есть точно не камень, но и ни на что живое не похоже.

Я сначала думала – собака такая своеобразная. Потом «радар» нарисовал мне толстенькое брюшко, два хвоста пружинками, внушительные копыта, острые по краям, как не всякий коготь, огромную голову с пяточком и совершенно ненормальный для свиньи набор зубов и рогов.

Причем бивни у него тоже были.

А еще были раны по всему телу и что-то слабенькое-жалобное внутри. Настолько жалобное, что из моей головы мгновенно исчезли мысли про отбивную и возникло другое желание.

Вот тогда я и сумела свою паутину пропихнуть внутрь чужого тела и упорно ею там шуровала, пока «неправильные кривые» не стали «правильными прямыми».

Короче говоря, с тех пор у меня есть друг и поводырь.

И этот поводырь отчего-то активно не одобрял мою сегодняшнюю находку. Прятался от нее в кустах и хрипел оттуда всякие нехорошие слова. Точнее, не слова, а... нехорошее,

в общем.

– Он сейчас и пальцем двинуть не может, не то что навредить. Хотя, в принципе, я понимаю твои опасения. Абсолютно чужой мужик, из помойки. Оружия у него больше, чем у нас с тобой, вместе взятых. Но все равно живой человек, нельзя было бросать.

– Хр-р-р. – Пятачок снова поддел ладонь.

– Не ревнуй. – Я улыбнулась. – Конечно, ты в сто раз мне роднее. И я прекрасно понимаю, что он в лучшем случае наемник, а в худшем... Впрочем, это не наше с тобой дело. Поможем ему и пойдем себе дальше.

– Хру, – немного успокоился кабан.

Я решила считать его кабаном, просто чтобы не путаться и не сомневаться. Пятачок есть? Копыта? Хвост пружинкой? Даже два! Значит, будет Хрюшей.

– Сейчас мы с тобой поужинаем и ляжем спать. А утром я проверю, как себя чувствует наш гость, тогда можно будет решать, задержимся мы возле него на пару дней или просто поможем ему дойти до ближайшей деревни.

Кабан неуверенно потоптался на месте, а потом рванул куда-то в кусты.

– Хрюша?

Впрочем, отсутствовал он недолго. Умный Пятачок притащил мне буквально в руки какую-то тонкую, но очень длинную лиану. А потом демонстративно подошел и практически пнул лежащее тело.

– Нет, связывать его мы не будем. – Я решительно отложила лиану в сторону. – Хрюш, да он от слабости даже моргает с трудом. И разговаривает так, словно его две недели душил целый отряд удавов. Но я буду осторожна, обещаю. Давай лучше отойдем на пару шагов и устроим себе удобный ночлег.

– Хру, – вздохнул мой друг и за подол потащил меня в тот самый куст, где прятался от раненого.

Оказалось, что Хрюша времени даром не терял: уже нагреб в образованную густыми ветками пещерку сухой травы и листьев, расчистил копытами место в центре – под костровище, накидал туда камней – я его к этому давно приучила, потому что пожар в лесу и зрячему опасен, а уж слепой... и даже поймал-придушил очередную гигантскую крысу из тех, которые отлично шли в суп.

Видимо, кабан решил, что, если уж с мужчиной ничего сделать нельзя, остается только увести меня от него. И демонстративно оборудовал нам ночлег немного в сторонке.

Ну и ладно, я и сама не собиралась спать с незнакомцем на одном плаще. Вот только укутаю его получше, и можно заняться своими делами. Одну паутинку-сторожок оставляю на нем, если мужчине станет хуже – проснусь. Но вообще, я же на Хрюше много тренировалась, так что помимо легкого жара ничего не должно приключиться до утра.

На самом деле в моем поступке был и другой мотив. Не знаю почему, но за время жизни в этом мире я успела убе-

диться, что отношение ко мне местных... не слишком приятное. А этот, как ни странно, не плевался в мою сторону и не шипел, как гадюка из-под камня. И я бы поняла, если бы «плевались» в меня те ребята из изгнавших меня. Но нет, так со мной обращались чуть ли не все встречные, даже когда я ушла более чем на недельный переход от первоначального места попадания.

«Святой» меня, кстати, больше не называли. Ну, кроме вот этого господина. Весь месяц я слышала вслед «проклятая Рохау», «кровавая сова» и «огненная Имран». Впрочем, чем дальше я уходила от того места, где «попала», тем реже был шепот за спиной. Но оставалось полным-полно настороженности и неудобных вопросов.

По идее, мой невольный пациент мог просто не узнать меня. Или вообще не знать, что моя предшественница в этом теле существует. Про храм и святых слышал краем уха, и все.

Глава 6

Инсолье

Утро началось для меня с ощущения тянущей тупой боли, медленно переливающейся по всему телу. Тем не менее я был этому искренне рад. Раз болит, значит, еще жив. Извини, костлявая подруга, в другой раз, как говорится.

Только вот к порезам, ушибам и ранам, кажется, добавилась легкая простуда. Слишком уж подозрительно першило в горле. И озноб по телу ну совершенно не к месту.

Я еще не открыл глаза, когда на пылающий лоб вдруг положили что-то приятно прохладное. Так хорошо стало, что я аж промычал невнятно сквозь зубы. И только потом сообщил приподнять ресницы.

Заткнулся сразу. Еще я не стонал от удовольствия, когда какая-то девка меня за лицо щупает. Ладно, не какая-то. Святая собственной персоной. Сидит тут рядом с благостным личиком – оторванная от подола алая полоса скрывает ожог на месте глаз с особой тщательностью, на губах легкая улыбка, на щеках – нежный румянец... короче, ужас. И щупает меня. Вчера не нащупалась, что ли, скрытая извращенка?

– Не беспокойтесь, господин, с вами ничего серьезного, – поняла, что я проснулся. Дура дурой, но чуткая. – Небольшой жар. И голос вы немного сорвали. Полежите денек и будете здоровее прежнего. Особенно если станете пить лекарство, есть суп и не капризничать.

Суп? Откуда она взяла тут суп?

Я чуть повернул голову и едва не выронил глаза из глазниц. Стало бы на одного слепого идиота больше. Но было от чего! Эта святая... эта... эта...

Она сварила суп из свирепой крысы! Полосатая шкурка твари сушилась на ближайшем кусте, лиловые внутренности замачивались в плошке, а сама крыса булькала в котелке. Ни с кем эту помойную дрянь не перепутать!

Начать с того, что святые вообще не должны есть мяса. У них то ли обет перед богами, то ли придурь – я настолько глубоко в учения просто не вникал. Но точно помню, что на привале эта мымра никогда не ела из общего котла, жевала какую-нибудь траву с фруктами в стороне. И уж точно прекрасная звезда Алого Храма не стала бы жрать крыс!

Особенно свирепых. Которых хрен поймает. А если поймает – она раньше тебе пальцы по самые яйца отъест, чем ты из нее суп сваришь.

Неужели за месяц она настолько оголодала? Если подумать, действительно как-то странно отошала на вид. Запястья тонюсенькие, плечи костлявые, лицо почти прозрачное, о скулы порезаться можно, подбородок заострился. Хм... ну,

в целом я всегда говорил, что любая придурь в еде лечится неделей голодания. А то и меньше, раз мы об изнеженной святой толкуем.

У нас-то месяц прошел. Вот на крыс уже и перешла. Только непонятно, как она ее поймала. Или это хрипун подкустовый постарался? Где он опять, кстати? Мне теперь даже интересно посмотреть на столь искусного охотника, не способного разговаривать. Может, он из тех знаменитых «братьев тени», которым отрезают языки?

Нет, не думаю, что эта святая идиотка могла настолько отчаяться, чтобы взять в напарники кого-то темного и запятнанного кровью «невинных» взяточников, убийц и прочих отбросов светского общества. Честных граждан так-то заказывают довольно редко.

Как будто отвечая на мои мысли, в ближайших кустах снова раздалось знакомое хрипение.

– Хрюша, иди сюда. Тебе тоже порция, – позвала блаженная своего напарника, поставив плошку с оставшимися костями и прочими огрызками на землю. Добавила туда же внутренности. Уже тогда у меня закрались подозрения.

Но я все равно чуть не словил разрыв сердца, когда из кустов на поляну вышел крупный кабаноподобный кадавр! Шатт! Да что за бездновы пляски тут творятся! Я не проснулся на самом деле, а все еще сплю? Или нет! Понял! Это бредовые видения от жара и раны. Ну точно.

Как иначе объяснить сумрачного мертвого монстра, кото-

рого гладит по клыкастому рылу святая? А тот подвизгивает и хрюкает от удовольствия, аккуратно слизывая с тонких пальцев остатки крысы.

Кадавр дохрустел костями и скосил налитый кровавой тьмой глаз в мою сторону. Поднял жесткую щетину на загривке и угрожающе захрипел.

– Хрюша, – святая укоризненно покачала головой и беспретпетно обняла клыкастую тварь за морду, – не вредничай.

Хрюша. Хрюша?! Хрюша, мать его шатт! Может, эта блаженная просто не понимает, какую зверушку завела? Да сто пудов против одного зерна! Видимо, ситуация произошла такая же, как со мной. Явно ж помогла по дурости душевной бедному «кабанчику». И теперь гуляет с плотоядным трупом в обнимочку.

А как она его нашла, кстати? И когда? В смысле, почему я не убил дуру сразу – понятно. Просто не мог физически. А почему монстр с ней облизывается чуть ли не взасос?! Да еще и по-своему разговаривает. Во всяком случае, святая его понимает. Кстати, для трупа эта свинья в удивительно хорошем состоянии. Если бы не моя врожденная магия, и не понял бы даже, что чудищедохлое.

– Прекрасная госпожа... – прохрипел я, даже не пытаясь откашляться. Голос сел окончательно, и это к лучшему. Дура, может, и слепая, но ни разу не глухая. – Как я могу отблагодарить вас за несравненную доброту и заботу?

Сам бы поржал над пафосностью речи. А вот от святой

этой улыбки не ожидал. Чуть ироничной, понимающей и в то же время... хм.

– Выпейте лекарство. А потом я вас покормлю.

– У меня есть деньги, светоносная жрица. – Хрипение вышло еще более убогим, потому что я держал за горло собственный немного безумный смех, чтобы тот из глотки не вырвался. Он тут не к месту. – Вы можете забрать мой кошелек... я не могу не отблагодарить...

– Ваш кошелек вам самому пригодится, – предсказуемо отказалась блаженная дура.

Правильно, кстати, отказалась. Потому что про деньги я откровенно наврал – те ублюдки, что проткнули мне легкое, вряд ли оставили хоть грош в моих карманах. С другой стороны, я никогда не клал все яйца в одну корзину, так что кое-какие схроны у меня всегда были. Один даже неподалеку.

– Откройте рот, будьте добры.

Так сказала, что я не посмел сопротивляться. Откуда железо в ласковом голосе? А мерзкое приторное пойло неожиданно оказалось самую малость не таким отвратным. Потому что святая идиотка как-то догадалась добавить в него перца и, кажется, полыни.

Нежная горечь скользнула в горло, обволакивая рот огнем специй. На этом фоне медовая сладость почти потерялась. Хм. Хм... Интересно, если завалить эту святую прямо здесь и сейчас, вот тут... прижать к земле и впиться в губы поцелуем – грубо и насильно, кусая до крови, она будет такой же

на вкус? Раньше там точно была только приторная праведность, от которой воротило. А теперь, возможно, изнасилование этой блаженной станет не только сладкой мезью, но и острым удовольствием?

Сбоку сверкнуло что-то красное, и я снова встретился взглядом с настороженным кадавром. Хм, да... Для того чтобы воплотить мысли в реальность, надо в первую очередь избавиться от хищного трупа.

То есть набраться сил. Лежать, пить лекарство, есть суп из крысы и «не капризничать».

Глава 7

Алла

Честно говоря, сомнений в том, что я подобрала на помойке какого-то отморозка, у меня не было. Помимо новых возможностей по ощупыванию пространства нитями, у меня еще и старые никуда не делись. Попросту говоря, пока мужчина был без сознания (или просто без сил, поскольку не возражал), я его всего перебрала по тряпочкам и косточкам.

Ну что. Высокий, поджарый, слегка небритый в районе морды. А во всех остальных местах наоборот. Интересная концепция... Так о чем я? А!

Очень сильный – это чувствовалось даже при простом прикосновении. Жилистый – вот, вспомнила нужное слово. Плечи широкие, талия тонкая. Нос прямой, овал лица правильный, губы пухлые, ресницы густые и длинные, брови словно нарисованы колонковой кистью. Волосы темные, чуть выющиеся и собраны в низкий хвост.

Короче говоря – красавчик. Наверное. В моей темноте с помощью магической мультипликации нитями он был похож на анимешку-злодея.

А еще у него по всем местам было распикировано такое количество острого железа, что я, во-первых, убедилась, что анимешное злодейство не на пустом месте нарисовано, а во-вторых, забрала от греха весь металлолом и сложила под куст в отдалении. Потому что если он меня не прирежет, то я сама могу в какой-нибудь напряженный момент экспериментального лечения напороться на острое.

– Ваши вещи лежат вон там. Как только поправитесь, заберете. Откройте, пожалуйста, рот.

Пациент не стал возражать, и в моем видении появилась полная зубов челюсть с хорошо выделенными клыками. Хм, это магия шалит или у мужчины действительно такой необычный прикус?

Для верности еще разок провела нитью по кромке его верхних зубов и полюбовалась красивыми пиками. В рот же ему рукой не полезешь для проверки. Ладно, ложку не откусит, уже хорошо. Интересно, вдруг в этом мире вампиры водятся?

Наверняка крысу в котелке он разглядел. Но, может быть, не опознал. Мало ли, мясо и мясо, может, птичка какая. Голову с резцами я Хрюше отдала. Так что ел и не пытался выплюнуть.

Отлично, я в этом супе сварила всю ту траву, которую недоварила в микстуре. Вообще, интересно вышло. Наверное, от прежней хозяйки мне остались механические знания, содержащиеся в нервных клетках, – нейронные связи

не разрушились, вот это все. То есть имени своего я все еще не знаю, только предполагаю, что «Имран» из одного прозвища и «Рохау» из другого – это оно и есть. Но что из них имя, а что фамилия – кто бы угадал.

А вот про разнообразную траву и про то, как выглядит чья-то рана изнутри, – вообще без проблем. Причем трава тут местами обычная, а местами странная донельзя. Насчет ран, правда, не скажу, я волонтерствовала, конечно, но медицине не обучалась.

– Прекрасная синьорита, – позвал накормленный крысой головорез, – позвольте узнать, с кем свела меня судьба и кого мне с благодарностью упомянуть в молитве живым богам?

«Синьорита» – это я так «госпожу» машинально для себя перевела. Знание языка тоже досталось мне вместе с извилинами, все, что говорят люди, я понимала. Но не могла не слышать, что язык другой, совсем не похож на русский, зато отдаленно напоминает что-то испано-португальское.

– Не думаю, что боги будут рады моему имени, – позориться не хотелось, вдруг все же «Имран Рохау» – во все не имя-фамилия, а какое-нибудь особо неприличное ругательство, которого святая в силу своей святости раньше не знала, так что и мне это знание передать не смогла. – Поэтому и ваше не спрашиваю, синьор. Ложитесь поудобнее. С наложением рук у меня проблемы, но помочь вам излечиться я все же попытаюсь.

– Потеряла свои силы? – мужчина произнес это едва

слышно, но мой слух всегда был лучше, чем у здоровых людей.

– Скорее нашла, – легонько улыбнулась я. Все же грех жаловаться – в этом мире, не имея дома, родных, даже имени, я нашла то, что позволяет мне пусть плохо и неумело, мультяшно и нечетко, но видеть.

– Если не секрет, синьорита... кто лишил столь прекрасный цветок зрения?

– Думаю, судьба. – Тема для разговора была не самая приятная, тем более что ожог на месте глаз все еще побаливал, здесь ведь он свежий. Я лечила его травами и нитями, он заживал, но требовалось время. – Не беспокойтесь и вообще лучше расслабьтесь и еще поспите. Или дать вам лекарства, чтобы крепче спалось?

Мужчина только хмыкнул, но плечи его под моими пальцами и правда обмякли. До этого я осторожно трогала его рану зеленой нитью, а красной оттягивала нехороший цветной «мусор» подальше от тела пациента. И он, кажется, что-то чувствовал. А теперь нить скользила по коже снаружи, заодно обрисовывая мне все тело целиком.

– Щекотно, – доложил раненый, опуская свои роскошные ресницы. В моей мультипликации это смотрелось довольно забавно – мне так друг когда-то описывал компьютерную 3D-симуляцию.

А вообще он на меня все время смотрел. Такое ощущение, словно сидишь на солнцепеке – как тепло и давление с его

стороны. Только я не могла угадать, что в этом взгляде. Просто отметила про себя: если не спит или не закрывает глаза нарочно – следит за мной. Не отрываясь. Наверное, опасается. Хотя чего? Вряд ли здесь принято спасать кому-то жизнь, чтобы тут же убить.

Хрюша, кстати, все время лезет между мной и этим человеком. Словно загораживает.

Может, мужик действительно вампир? Вот и жаждет моей кровушки, а питомец это чувствует. Все-таки не зря у раненого там, внутри, обычные светло-голубые нити магии переплелись с какими-то темно-фиолетовыми. Я без понятия, что это значит, но в Хрюше тоже такие есть, потому не особо паникую. А вот в других людях фиолетовых нитей нет, как и во мне.

В любом случае его рана очень хорошо и быстро заживает – та, которая основная. У него и других полно, погладила и там и тут. Наверняка он еще слаб потому, что мои нити собирают с тела все цветные обрывки, которые годны в дело, и латают ими прорехи. Но еще денек-другой – и поскачет резвым зайчиком... или котиком. Учитывая зубы.

А я пойду своей дорогой. Причем раньше, чем прыгучесть к этому хищнику вернется. Только в сказках волк и тигр помогают царевичу-дураку в благодарность за спасение. А у людей в реальной жизни все работает по-другому. И лучше убратся подальше прежде, чем спасенный окончательно очухается.

Зачем тогда спасала? Потому что могла. Это было не очень трудно. Заодно вот потренировалась в нитях. И парню хорошо, и мне полезно. К тому же приятно поговорить с человеком, который не шарахается и не плюет вслед, как остальное население этого мира.

– Уснул, Хрюш? – уточнила я на всякий случай у своего щетинистого друга. – Хорошо. Не фырчи, не фырчи. Поймай лучше нам еще крыску, будет ровно десять шкурок. Сдадим в этой... как ее... в Эхенове старьевщику, будут деньги на припасы. Что? Нет, глупый. Его мы с собой не возьмем, с какой стати? Он взрослый мальчик, вылечится и пойдет своей дорогой.

А сама подавила вздох. Все всегда идут своей дорогой, и это правильно. Мое желание, чтобы хоть кто-то остался, – только мое. Даже родители ушли, когда настало их время. Что говорить о постороннем головорезе.

Эй, да я и не хочу, чтобы он остался! Надо занять голову делом, а то она мне уже разные несанкционированные мысли тут думает. Безобразие.

Глава 8

Инсолье

Когда я в очередной раз очнулся, глаза открывались с трудом. Шатт! Кажется, святая дура мне помимо лечебных трав еще и сонные подсунула! Зачем? Неужели хочет сдать меня своим собратьям для улучшения кармы?! Когда эта идиотка научилась так притворяться и лукавить? Она же была прямая как бревно. Бревно, кстати, это ее женишок, паладин – командир алых сов. Интересно, совсем сгорел во время моего подарка храму или наполовину только поджарился?

Ладно, мой организм, как у любого темного создания, легко справлялся с ядами и наркотическими веществами. Не прошло и пяти минут, как я уже мог осмотреть окружение трезвым взглядом. Заодно и проверить свое состояние.

Хм... а поработала святая на славу. Не знаю, чем она меня пичкала, но времени прошло больше, чем я думал. То есть я продрых как минимум двое-трое суток. Потому что даже с помощью силы святых пробитое легкое так быстро не залечить. А у меня на спине только новая полоска свежего шрама среди сети других таких же, и почти ничего не болит. И остальные порезы-ссадины только чешутся. Даже шишка

на голове пропала, как не было ее. И эта дура меня, кажется, вымыла. И одежду постирала. Дожили, шатт.

Ну-ну... скажу святой спасибо. Перед тем как...

Стоп.

Где она?!

Я еще раз внимательно осмотрел окружение и увидел лишь кучу собственных вещей рядом с импровизированной лежанкой. Сбежала? Напоила меня снотворным и сбежала, святая дура?! Неужели у нее после пожара появились зачатки мозгов? Только вот, может, зачатки и появились, но точно не развились в полноценный орган!

Потому что я прекрасно видел и чувствовал тропу, по которой она ушла. А с учетом ее слепоты и умения передвигаться по лесу, любой среднестатистический охотник может выследить такую неуклюжую добычу. Пока я не узнаю ответы на все свои вопросы, пока не получу удовольствия от твоих мучений, пока не наиграюсь этой новой куклой, тебе от меня не сбежать!

Сборы в путь заняли не больше десяти минут. Стукнутая милосердием святая даже оставила мне завтрак. Как мило с ее стороны, сейчас растаю... от предвкушения.

Кабан, скотина, оказался умнее хозяйки. И путал след. Только не знал, нечисть, что его попытки ведут меня лучше, чем если бы он развесил сигнальные флажки на каждом кусте по дороге. Эманы этой свинской смерти я запомнил отлично. Специально лежал, притворялся паинькой и считы-

вал узор, пока не опоили сонным.

Кто этого кадавра создал, интересно? Гений был. Кабан – как живой, очень функциональный и разумный для твари. Был – потому что связь с созданием обрублена, такое бывает, если заклинателя убили. Сами они не помирают обычно, так что точно ухайдокали за все хорошее. А тварь осталась, хотя должна была развоплотиться максимум через сутки после смерти создателя.

Каким образом святая подобрала эту дрянь и не только заставила жить, но и привязала к себе – ума не приложу. Но одно хорошее во всем этом сумасшедшем доме есть – их со свиньей путь для меня словно выстлан сияющими сигнальными стрелками.

Эхенова – дрянной городишко. Что святой там понадобилось, интересно? Вышла со своей свиньей из леса и прямо по дороге поперла в сторону поселения. Словно кадавр – домашняя собачка при богатой синьоре. Идет по обочине, мол, что такого?

Как ее еще никто не прибил, такую... такую святую, а? Кишки выпущу, если кто пальцем тронет. Это теперь моя добыча. Но вот посмотреть на то, как ее будут шпынять все, кроме меня, причем из-за ее собственной глупости, – это неплохая идея. А что? Слепая, в драном платье, с каким-то зверем. Со свиньей – мало кто на моем уровне разбирается в кадаврах.

Да на ближайшем рынке грязью закидают такую святую.

Людишки – народ пакостный, неблагодарный. Любят посмеяться и поиздеваться над тем, кто не может ответить. Мне ли не знать. А теперь и святая дура макнется в реальную жизненную грязь по маковку.

Надо поспешить. Я хочу это видеть. Видеть и...

Так. А это что еще?! Кто позволил?! Совсем охренели, уроды?! Сжигать представителей церкви – это моя привилегия!

А потому я с силой бросил кинжал прямо в веревки, что сейчас приматывали к столбу руки моей жертвы. Приправленное магией лезвие не только разрезало их, но и сломало пополам столб, который с треском чуть не придавил местного активного гражданина – того, который больше и громче всех орал.

– Прочь, падаль! Что тут происходит?! – раздался мой рык на всю городскую площадь.

– Синьор! – Ага. Сталь и ярость всегда хорошо действуют на всякую людскую шваль, вон я сразу стал синьором, стоило пощекотать сталью пару жирных брюх. – Синьор, эта ведьма натравила на наш славный город своего зверя!

– Какая еще ведьма, недоумки! – Я мысленно аж взвыл. Да-да, реальная жизнь – дерьмо. Но даже я чувствовал несправедливость – эта дура тут спасает людей по помойкам, а на нее вешают все окрестные трупы, лишь бы не разбиться с настоящим виновником. Это я понял из невнятного бормотания толпы. – С каких это пор ведьмы щеголяют

в храмовых одеяниях?

– Так ведь... рваное, – раздался голос откуда-то сбоку.

– Вы никогда не слышали об обетах? Да тут и Лукаку станет понятно, что девушка замаливает человеческие грехи! А потому отказалась от мирских благ! Разве вы не слышали, что красный храмовый шелк сжигает всю нечисть будто огонь! – Я нес бред чистой воды, но этим деревенщинам должно хватать. А если не поверят, что ж, будем говорить с ними магией и холодной сталью.

– Дык коров-то пожрали, – робко высунулась из толпы какая-то бабка. – И пьяницу Хуана зверь загрыз. А по ночам-то воет, страсть! Кто, если не ейное чудище?

– Ты, бабка, совсем от старости ослепла и оглохла? – рявкнул я. – Это свинья! – Я ткнул концом кинжала в опутанного кучей сетей кадавра. Тот ворочался и злобно хрюкал. – Свиньи не воют! Да что ласы точить, смотри! – И я с легким, но таким приятным ощущением отмщения пнул кадавра. Тот возмущенно завизжал прямо как настоящая хрюшка. – Слышала? Похоже на вой?

– Ить, – бабка засомневалась, толпа загудела растерянно. Но эти ублюдки уже настроились на судилище и так просто святую не отдадут. Уроды, а! Прибить бы всех одним ударом силы – так мне сейчас местный храм на хвосте нужен, как капкан на волчьей лапе. К тому же голос мой святая могла не узнать, лица она не видит, но чтобы магию спутать – это надо не святой быть, а наглухо отбитой. Так что массо-

вое жертвоприношение городка Эхенова придется отложить до лучших времен. Но я запомнил.

– Поймаю я вам настоящего зверя, – хмыкнул я и пнул ближайшего толстопузого лавочника, у которого всего мину-ту назад отобрал здоровенный дрын с копейным наконечни-ком. Охренеть, урод собирался проткнуть мою добычу этой дубиной! – Но чтоб тихо мне! Девушку не трогать! Где у вас постоянный двор? Лучшую комнату и лекаря! Живо!

М-да. Судя по состоянию моей святой и всех остальных, отбивалась она яростно и довольно умело. В толпе тут и там народ подран, побит и порезан. И покусан свиньей. Но что может девчонка без боевой магии против стольких обозлен-ных людей?

– Если вернусь и недосчитаюсь хоть волоска на ее голове, я этого зверя вам прямо на площади выпущу. Будете ловить свое чудовище голыми руками!

– Так а если сама помрет? – робко спросили из толпы.

Я резко обернулся. И понял, что сказавший, шатт его за ногу, прав. Кажется, сжигать эти недоумки собирались уже труп... Из-за алого цвета платья сразу не было заметно, что оно все залито кровью.

– Убью! – В глазах потемнело от бешенства. Мое! Не смей отнимать у меня удовольствие отомстить! – В сто-рону!

И подхватил бессильно обмякшее святое тело на руки. Шатт! Как ее еще ветром не унесло? Она же ничего не ве-

сит! А самое главное, как мне, темному, ее лечить-то?! Я ж только умертвия поднимать умею...

Глава 9

Алла

И пусть отношение ко мне предыдущих селян говорило само за себя, я все равно не ожидала, что так получится. До сих пор мне лишь плевали вслед или хихикали за спиной, но охотно покупали разные травы, которые мы с Хрюшей собирали в лесу. И шкурки крыс покупали. Хватало на крупу и соль, а также на любимую здешнюю приправу – сушеный чеснок.

Городок, в который мы с Хрюшей шли, назывался красиво – Эхинова. Нам об этом сказали в предыдущей деревне. В городе жил хороший кожевник, которому можно было продать шкурки подороже. И хоть одну ночь поспать нормально – в кровати на постоялом дворе. Увы, не сложилось.

И все же я не думала, даже теоретически, что здесь в ходу сжигание ведьм, как в каком-то средневековье. Мне все еще подсознательно казалось, что я в своем мире, просто где-то в далекой глубинке, в тайге, рядом с поселениями каких-нибудь староверов. Пусть и понимала, что это не так, но сердцу не прикажешь.

А ведь могла бы подумать головой и сопоставить свои вы-

женные глаза с репутацией «изгнанной святой»... А еще им Хрюша не сильно понравился. Тем людям, что почему-то поджидали меня у городских ворот.

Вообще-то, это тело, оно умело драться. Достаточно было меня как следует напугать, и сознание прищелицы из другого мира будто отключалось, а контроль перехватывало нечто из прошлого. Прежняя хозяйка явно не была обычной «иконной», на которую молились местные страждущие. Она и лечить могла, и калечить.

Но не зря говорят: против лома нет приема. Помимо всего, как я заметила, это тело старалось в основном обезвредить нападавших, а не убить их. Но вот у толпы таких благородных манер не было. И меня тупо задавили живой массой. С дубинами. Никакие нити в темноте не помогли, хотя я ими довольно ловко отводила самые опасные удары и дергала нападавших за ноги так, чтобы они сами падали.

В какой-то момент меня ударили по голове и одновременно с этим – чем-то острым в спину. А дальше... дальше все. Даже обидно как-то. Только попала, и уже пристукнули.

Когда я первый раз очнулась, меня куда-то тащили. Запах сырых дров, палки, впившиеся в колени. Кто-то вздернул мои руки вверх и привязал к чему-то круглому. Грубые мужские голоса и не слишком приятная вонь какого-то лежалого чеснока.

– Сжечь ведьму! Сжечь! – повторял какой-то особо визгливо-неприятный старушечий голос. А я даже дернуться

толком не могла. Умереть снова, наверное, было уже не так страшно. Но гореть заживо все равно не хотелось. И Хрюшу жалко. Сознание вновь начало угасать.

– Убью! – рявкнула навалившаяся темнота смутно знакомым голосом. – В сторону, падаль!

А потом окончательно все. Сил не осталось.

Следующее мое пробуждение было не в пример приятнее. Пахло свежим бельем, выпечкой и травами. Снова переродилась? Было бы неплохо. А еще хорошо то, что я так и не почувствовала боли от костра. Только вот неужели снова слепая?

– Идиотка, – раздался откуда-то сбоку голос. – Ни мозгов, ни чувства самосохранения. Удивительно, как тебя еще в детстве нежить не сожрала, такую дуру наивную.

М-да. Это не другое перерождение. К тому же и нити, и слепота на месте. А еще головорез с помойки тоже тут. За чем?

Но все эти мысли быстренько вылетели из головы, потому что я попыталась вдохнуть воздуха и едва не закричала. Больно...

– Очнулась? Хм, то есть очнулись, синьорита? Вам лучше не двигаться, побили вас знатно. Похоже, живые боги послали вам очередное испытание. К тому же мы с вами поменялись местами чуть более чем полностью. Чем эти сволочи ткнули вас в спину, не заметили? Кстати, это вы отрубили руку местному кликуше? Неплохо... Ваша свинья в хлеву,

там ей уже дали каких-то помоев. Не беспокойтесь.

Он говорил и говорил – целый ворох слов на меня высыпал, я даже успела порадоваться, что, пока его лечила, все время добавляла в лекарство сонные травы. Поэтому у меня не болела голова.

А сейчас болит. И не только голова.

– М-м-м...

– Все-все, синьорита, я убрал щепки и занозы из раны. Вас достали каким-то возмутительно неоструганным колом прямо под лопатку. И столб на площади тоже особо не полировали, все руки в ссадинах. Нет, не пытайтесь перевернуться на спину. Сейчас я подложу тут... вот так, лежите на боку.

Твердые теплые руки исчезли, сменившись льняной мягкостью, – меня и правда со всех сторон обложили подушками. А от двери уже слышалось невнятное, но от этого не менее угрожающее шипение. Кажется, мой спаситель с кем-то о чем-то договаривался. И ему обещали луну с неба, если принять во внимание, как испуганно дышит его невидимый собеседник и как он потеет. Бормочет жалобно.

– Так, понимаю, что вы уже устроились поудобнее и собираетесь спать, но нам принесли куриный бульон. Святые силы святыми силами, но в ваших тух... хм... ослабевших мочалах им просто неоткуда взяться. Так что поднимаем голову, синьорита, и пьем. – Меня приподняли и положили на что-то теплое, твердое и пахнущее дубленой кожей. А потом засунули прямо в рот ложку горячего супа.

– Спасибо... – Голос прозвучал на редкость тихо и жалко, к тому же я закашлялась в конце, не сумев продолжить, а ведь хотела спросить...

– Нечего благодарить, считайте, что возвращаю накопившийся долг. Как только поправитесь, я вас брошу. Точно так же, как вы меня одного... спящего... в лесу! – почему-то последнее прозвучало довольно угрожающе.

Я снова закашлялась.

– Ладно, не брошу. Я не такой святой, как некоторые. Вы мне еще отработаете свое спасение по полной со всеми процентами, – хохотнул мужчина. – Откройте рот пошире, синьорита, на это у вас должно хватить сил. Ваша очередь пить лечебную бурду. Надеюсь, я достаточно припугнул местного травника, и он действительно сварил полезное... хм... зелье. Во всяком случае, оно горькое настолько, что просто не может не помочь.

Горькое – не то слово. Я едва не задохнулась и инстинктивно попыталась отбиться от такого лечения. Но мне не дали возможности. Не знаю, как он смог не тревожить самую болезненную рану на спине при том, что схватил, скрутил и влил зелье в рот, даже не особо утруждаясь.

– Вы слишком слабы для сопротивления, смиритесь с этим, синьорита. Вот поправитесь и сможете отомстить мне самым страшным образом. Если поймаете, конечно. Да и то не факт, с вашим-то цыплячьим весом. Интересно, все святые морят себя голодом или вы развлекаетесь одиночно?

Он молот что попало с явным удовольствием и под эту неумолчную болтовню впихивал в меня ложку за ложкой. Бульон, горькое снадобье, снова бульон, какую-то соленую пилюлю, которую опять же пришлось заедать куриным супом.

– Сейчас заснете, и будьте добры, спите как минимум двенадцать часов. Этого времени как раз хватит, чтобы прибить одну мелкую нечисть. А то я обещал местным придуркам найти настоящего виновника, сожравшего парочку коров и пьяниц. Вовремя вы тут появились со своей свинкой, нечего сказать. Кстати, знаете, сколько стоит ваша жизнь? Две серебряные монеты. Это цена наемника, который сможет избавить от пожирателя скота.

– Знаю. – Как ни странно, после борьбы с горечью и пищей мне стало легче дышать и говорить. – Я хотела их заработать, но не вышло. Спасибо.

– То есть вы шли в город, чтобы наняться убивать нечисть, а в результате вас едва не пришибли, приняв за нее саму? – развеселился головорез. – Забавно, разве нет?

Глава 10

Инсолье

В этом было какое-то странное, я бы даже сказал, извращенное удовольствие. С одной стороны, я действительно отдавал долг – так что, даже будь я светлым, совесть была бы чиста. С другой стороны, вот она – ненавистный враг, храмовая святая, из-за которой вся моя жизнь полетела под откос. Это ведь она раскусила мою маскировку и натравила остальных сов.

А теперь? Беспомощная, слабая, истекающая кровью. В моих руках.

Тощая, как не знаю кто. Нет, в самом деле, под платьем, пусть уже обтрепанным и пыльным, но все еще достаточно пышным, незаметно, что от святой сволочи действительно остались одни кости. Хотя какие это кости – косточки. Одно движение рукой – и я услышу их треск. М-м-м... как будто держишь в ладонях что-то крохотное, слышишь его быстрое сердцебиение. Так и хочется сжать эту маленькую жизнь, почувствовать, как она бьется в последний раз и затихает.

Но лапу какому-то особо рьяному нападающему эта птичка отрубила. Чем, кинжалом? Да и вообще, там, на площади,

толпа не просто так ярилась – всем прилетело. Святая не собиралась сдаваться без крови.

Тем страннее и необычнее было держать ее сейчас вот так – крепко и осторожно. Чтобы и не вырвалась, и не причинила себе вреда. Кожа вблизи очень белая, полупрозрачная – видно, как трепещет на шее тонкая жилка. Так бы и впилась зубами изо всех сил, раня и разрывая. Темно-алая кровь всегда прекрасно смотрелась на этой бледной коже.

А из-под повязки край ожога – свежего, но заживающего. Будет некрасивый рубец... Точнее, это другие могут подумать, что некрасивый. Мне кажется, что багровый росчерк поперек одухотворенного тонкого лица как раз завершает картину и делает ее правильной. Идеальный образ святой мученицы, достойной быть запечатленной на какой-либо картине. Жаль, что я не умею рисовать. Но это не значит, что я не смогу как-нибудь воплотить это в реальности.

Увы, долго любоваться мне не дали. Напомнили о том, что я обещал найти настоящего монстра. И лучше поспешить. Меня-то идиоты не тронут – боятся до дрожи. А вот святую... Впрочем, я уже обещал трактирщику и лекарю, что если вернусь и не найду девчонку в кровати – вырежу обе семьи под корень, не пощадив даже кур. Я ведь теперь не представитель церкви, мне можно.

– Спите, синьорита. Пусть вас сопровождают самые сладкие... – «кошмары», – сны. Я скоро вернусь.

– Хрюша...

– Да в порядке ваш свин, что ему сделается. – Аж досада взяла. Меня, значит, под кустом бросить можно было, а кадавра своего чуть ли не с того света зовет! – Его хотели сожрать, а не сжечь, поэтому просто замотали в сети. Спите сию минуту, иначе, клянусь живыми богами (ха-ха три раза), я возьму у лекаря самое сильное снотворное и опою вас на неделю.

– Может помочь... чует нечисть, – пробормотала она, медленно засыпая.

– Еще того не легче! Только свиньи мне на охоте не хватало. Все, разговор окончен! – Я даже разозлился. Это насколько надо быть святой, шатт, душой, чтобы лежать с проткнутой спиной, после того как чуть не сгорела на костре, и беспокоиться о каком-то проходимце, который только неведомой волей шатта решил поиграть в доброго и благодарного попутчика!

Я хлопнул дверью со всей дури и сбежал по лестнице на первый этаж.

– Хозяин! Вина!

Не хватало шарить по кустам и местным выгребным ямам на трезвую голову. Свинью мне свою подложить хотела, надо же. Ладно, не говорить же, что я чую нечисть ничуть не хуже ее кадавра. Да и послушание этой твари сомнительно. Демоны знают, что придет в голову непривязанному творению неизвестного некроманта-недоучки.

– Держите, синьор. – Передо мной поставили кружку

с кислым пойлом. Слегка отпил отрыжку местного виноделия и признал паршиво-приемлемой.

– Нaley во фляжку. Сегодня пойду за вашей нечистью, – махнул я трактирщику.

И между прочим, про неизвестного некроманта. Не его ли наследие подъедает пьяниц по ночам? Не все твари рассеиваются после смерти творца, есть такие, что вполне бодро выживают и жрут что подвернется. Может, снять параметры со свиньи и попробовать позвать?

Получив свою фляжку, я задумчиво вышел и, покачиваясь с пятки на носок, остановился посреди двора. Уже совсем было решил не напрягаться, срисовать свинью и позвать, но услышал голоса.

Разговаривали в цветочном павильоне – беседке, где особо почетные гости постоянного двора коротали время между обедом и ужином за хорошим вином и курительными трубками.

– Ты уверен? Святая? – Последнее слово буквально заставило меня принять охотничью стойку.

– Они решили, что девчонка была в сговоре с нелюдем. И нарочно раскрыла его личность, чтобы совы привели мальчишку на суд высших. Там он и выпустил проклятье, – о, а это, кажись, уже про меня. Как приятно, смутиться, что ли, от такой повсеместной известности? Только вот святая тут при чем? Не смейте умялять мои собственные заслуги.

– То есть он воспользовался ей, а потом сбежал и бросил

сообщницу? – Что за бред сивого мерина они несут?

– А ты ждал благородства от некроманта? Он ее не просто бросил, но и попытался убить. Не зря самый сильный сгусток пламени летел в сов. – М-да? А почему я не знал об этих своих злодеяниях? Нет, я там всех спалил, что верно, то верно, но специально в сов не целился. А девчонку нарочно не тронул.

– Но из великого отряда никто не пострадал. Кроме Имран, я имею в виду, – а вот это просто отвратительная информация. Я надеялся, что всех этих лицемерных тварей если и не развеет пеплом по дворику, то хотя бы хорошенько поправит им морды. Чтоб не одна баба больше не дала, несмотря на всю накопленную «святость».

Так, погодите. Что-то не сходится. Я ведь проклял всех, но не ее. Как же так вышло, что только она одна и пострадала?! Ну, кроме макитроносцев, те горели, сам видел. Прекрасное вышло зрелище, захватывающее и дорогое сердцу. А вот сброд на площади и отряд...

Неужели эта дура... эта святая сволочь...

Убью!

Я не этого хотел! Да как она посмела?! Кто дал ей право корезить мою месть, да еще вот так нелепо?!

Получается, глаза ей выжгли не храмовники. Глаза ей выжгло тупое самопожертвование. Блаженная дура! Слов нет! Даже нецензурных, шатт!

– Вам еще чегось в дорогу, синьор? – отвлек меня от раз-

мышлений голос. Не отошедший от гнева, я чуть было не проклял подкравшегося идиота-слугу на медленное гниение прямо посреди двора.

– Пшел прочь! – бешено рявкнул я и рванул за ворота, чтобы не вернуться и не придушить эту святую стерву прямо сейчас собственными руками.

Где тут нечисть, нежить, или кто там? Не повезло ей. Мне физически необходимо кого-нибудь разорвать в кровавые лоскуты!

Глава 11

Алла

Сон меня сморил почти сразу после того, как спасенный спаситель ушел. Уф, никогда не думала, что на мне так скоро сработает та самая поговорка про «добро к тебе вернется».

Тем не менее у меня все разноцветные паутинки в голове путались от усталости, боли и, если честно, обиды. Все же люди нашего мира не привыкли к тому, что на них могут вот так внезапно и ни за что ни про что физически напасть и серьезно ранить.

Даже для слепой перенаселенный мегаполис гораздо опаснее здешнего... здешнего... всего. За прошедший месяц мне и так пришлось многому учиться заново – привыкать хотя бы к тому, что мое увечье здесь повод для злых насмешек, например, а не для сочувствия. Или к тому, что слепотой пытаются воспользоваться в разных нечестных целях. Обмануть на рынке, подсунув гнилье, – самое безобидное из того, с чем пришлось иметь дело.

Повезло в одном. У меня по-прежнему нет глаз, но я больше не слепая. Скорее, пока еще подслеповатая. Потому что не умею совмещать прежние способы ориентации в про-

странстве со здешними способностями.

Но я научусь. Обязательно. Потом... когда проснусь... когда заживет раненая спина. И душа... Хорошо, что Хрюшу только в сети замотали, а не поранили... И хорошо бы мой новый знакомый правда какое-то время не уходил.

Я устала быть одна. Нет, я привыкла быть одна, я умею! Но я устала... Пусть хотя бы пока я не встану на ноги, кто-то будет рядом.

– А может, он енто, тоже колдун? – раздалось где-то за дверью. Этот шепот разбудил меня вернее петушиного крика над головой. – Раз так за ведьму взъелся.

– Ой, не кличь ты демонов. Тебе заплатили? Заплатили.

– Да где ж! Этот головорез сказал, что кишки мне выпустит, а потом велел к бургомистру идти, мол, он обещал на свой кошт кормить спасителя. А ты хоть когда монету у бургомистра из кармана мог вынуть? Вот то-то...

– Ну, не вернется ежели, добыешь ведьму, как хотели. Но все равно лучше сутки обождать, нам тут резни не надобно, – закончил второй. – Хотя, если подкараулить... небось против камня по башке и колдун не устоит.

Сон крался по кончикам ресниц, но опасность уже гналась за ним по пятам. Так что я сжала зубы, чтобы не вскрикнуть от боли, и села на кровати. Осторожно спустила босые ноги на деревянный пол и нащупала кожаные лодочки – эта обувь была на мне в момент попадания, и ее уже дважды пришлось чинить... но сейчас это не главное. Главное – путаница раз-

ноцветных нитей в голове и деревянный посох с заостренным концом, который я машинально притянула к себе не рукой, а... мыслью? Нитью?

Шаг к двери. Надо уходить. Надо предупредить спасителя. Надо... надо не упасть.

– А ну, брысь, челядь! – гаркнул вдруг знакомый голос сразу за дверью, после чего она распахнулась.

И я все же упала.

– Шатт! Куда это ты поперлась, ду... святая?! – только и успел рявкнуть... жаль, я не спросила его имя. – В кровать залезла, быстро!

– Надо быть осторожнее... – это все, что я сумела сказать, прежде чем потеряла сознание.

Проснулась я снова от очередной ругани:

– То есть как это? У вас что, все бабы на деревне перевелись? – рычал мой спаситель.

– Так не пойдет никто ведьму мыть, синьор, все боятся. Я ж не могу силком наших девок тащить!

– Она святая, я вам раз сорок уже сказал!

– Может, и святая, – боязливо согласился местный. – А только тем более негоже простым, значит, смертным ее руками лапать. Воду мы вам принесли, вона, полна лоханка. Мыло, опять же, не взыщите, какое есть. Простыню для вытираться. А дальше – увольте.

– Тьфу, идиоты, – снова выругался спаситель. – Пшел вон!

Я опять попыталась сесть и сориентироваться в простран-

стве. Поняла, что это та же комната. Только вот солнца за окном нет, воздух из окна пахнет вечером, а на столе два источника тепла и, скорее всего, света. Лампы?

– Ну куда?! – Я машинально обшарила спасителя паутинками, те словно прилипли к нему, обрисовывая силуэт. – Куда опять? Не набегалась еще? Как ты там угрожала? Привяжу! И буду лечить.

– Спасибо. – Я улыбнулась. – Мне лучше. Вы попросили воды для купания?

– У тебя волосы в хвое и саже, а тело... Я, конечно, под платье особо не заглядывал, но там и по запаху станет понятно. Одна только засохшая кровь чего стоит.

Я неожиданно почувствовала, как щекам стало жарко. Он ведь меня перевязывал... и хватал где придется. И про запах... ох.

– Ты чего, стесняешься, что ли? Да на твои мослы даже волки не позарятся, что уж говорить про здорового мужика, – скептически хохотнул наемник.

– Спасибо за комплимент. – Вдох вышел смиренным и все же немного сердитым. Подумаешь, ценитель! – Если вы покажете мне, где мыло и простыня, я справлюсь.

– Чтоб ты там с молитвами утопилась? Или залила комнату? Обожди, все же найду тебе какую бабу. Думаю, тут вопрос только в цене.

– Я не утоплюсь и не залию. – Терпение, Аль, терпение. Это он так заботится. И вообще проявляет благородство, ка-

кого здесь к тебе еще никто не проявлял. Так что нечего злиться и сопеть, словно сердитый еж. – Не надо никого искать. Я уже слышу, где стоит вода. Вы спокойно можете выйти и оставить меня.

– Ну смотри. – В его голосе было откровенное сомнение. – Выйти не выйду, но отвернусь. Потому что, если начнешь тонуть, плевать мне на твою добродетель, вытащу и глаза закрывать не стану. Поняла? Лучше не тони.

– Вы можете подождать за дверью и не закрывать ее плотно, чтобы слышать, что со мной все в порядке. – Пара не очень уверенных шагов – и вот он, край лохани. Слева табурет, на нем... да, вот это мыло, оно даже пахнет какой-то травой. А вот простыня.

– Платье свое тогда кинь к двери. Хм... – Тут он задумался. – На мой голос кинешь, когда разденешься. Отдадим его прачкам, те еще подошьют.

– Я оставлю его у двери. – Губы чуть дрогнули в улыбке. Кажется, не все так плохо и в этом мире, раз хоть один хороший человек все же нашелся. По сути-то и одного достаточно... – Спасибо.

– Заладила со своими спасибо, синьорита. Долг жизни отдам – и катитесь своей дорогой со своей свиньей. Осторожнее со спиной! – Я услышала скрип двери.

– Уже почти не болит, – сказала и сама удивилась. Как так? Хотя... не болит, но я чувствую в том месте плотный клубок других нитей, тех, которые внутри меня. –

Не беспокойтесь.

– Надо мне, беспокоиться. – Он фыркнул и демонстративно хлопнул дверью. Так хлопнул, что та отскочила от косяка и снова приоткрылась.

Увы, заглядывать нитями за угол я еще не научилась. Хотя это идея, и как-нибудь стоит попробовать. Просто пока на это нет сил.

Остается только надеяться на порядочность моего спасителя – не будет же он подглядывать, словно мальчишка. Тем более сам сказал – мослы.

Глава 12

Инсолье

Шатт бы побрал эту святую невинность! Ну как, как?! Как она дожила-то до своих лет? Да любой ребенок знает, что творят деревенские с убогими. Толпа ненавидела и всегда будет ненавидеть тех, кто хоть сколько от них отличается.

Или вот сейчас! Я, незнакомый мужик, наемник (у которых репутация чуть ли не хуже, чем у бандитов), сказал, что отвернусь, даже за дверь выйду – и все. Поверила. Идиотка, шатт.

А я сам? Даже не соврал ведь: всегда любил девок в теле, и чтобы грудь побольше. Так чего, спрашивается, меня зацепило посмотреть? Нет, понятно с чего – назло ее добродетельной вере в людей. А еще надо было полностью оценить ущерб, мне ж ее долечивать.

Ну, глянул, убедился, что страшнее в мире точно нет, и отвернись, да?

Нет, залип, как пацан в общественной бане.

Какая же она... тощая! Еще немного не кормить – и эта худоба перейдет в откровенную костлявость. И эта россыпь синяков и кровоподтеков по всему телу, точно пятна у гор-

ных котов. Рана на спине уже схватилась – видимо, себя святая как-то лечила не хуже, чем меня. А чего ж тогда синяки не убрала?

А еще святые в храме, похоже, не пренебрегают воинской нагрузкой. Первый раз вижу у женщины мышцы. Вернее, их остатки. Такие же тонкие, даже в какой-то степени изящные, но все равно заметные под белой кожей. Ни одной по-женски мягкой, округлой линии – все словно натянутая тетива. И каждое движение, даже самое осторожное и плавное, – как у дикого зверька.

Шатт. О какой демоновой хрени я думаю? Эй, что она задумала?! Зачем ей в бадье кинжал?! Она рехнулась, что ли! Но если сунусь и наору на блаженную, сразу станет понятно, что подглядывал. Что ж. Если начнет членовредительствовать – нашлю парализующее проклятие. И отмажусь, устроив погром в соседнем номере. Пусть думает – залетный некромант напал, а я героически защитил. Вот потеха!

Может, хоть заподозрит меня? В смысле, меня, изгнанного паладина, в том, кто напал. Магию-то почует. И решит, что недобитый предатель ордена, который продал душу тьме мертвых богов, пошел по ее следу, хотел напасть?

И будет снова благодарить за спасение. Меня. От меня. Тьфу! Идиотка! Волосы! Она хочет обрезать себе волосы, дура блаженная!

– Не советую, – все-таки не выдержал я. Вот лучше бы она себе вены попыталась вскрыть, чем волосы обрубить. – Даже

мертвые боги не просят в жертву волосы, что уж говорить о живых. Они не примут подобного обета.

– Что?! – Девчонка мгновенно нырнула в пену так, что на поверхности остался только нос. – Вы обещали выйти!

– Волосы брежут только чахоточным или приговоренным к смертной казни женщинам. Еще так делают некоторые темные жрицы в знак отказа от всех даров богини плодородия. Если сейчас отрежешь – только подтвердишь для всех вокруг, что ты не святая, а ведьма. И будут тебя встречать кольями и костром в каждом задрипанном селище, а не через одно, как раньше. – Я нарочно проигнорировал ее возмущение. И вообще, мне надоело изображать озабоченного подростка возле щели в чужом заборе. Так что я подошел, взял простыню, подцепил девчонку за локоть, бесцеремонно поднял из пены и завернул. Шатт, она вообще ничего не весит.

И, только усадив ее на кровать, не выдержал, съехидничал:

– Не стоит верить на слово всем подряд, синьорита. В следующий раз на моем месте может оказаться кто-то другой, кого интересует большее, чем ваша возможность шлепнуться в обморок прямо в бадье.

Девчонка так обиженно сопела из кокона простыни, что мне стало по-настоящему смешно. Я не удержался и стиснул чуть крепче, чем нужно. К моему удивлению, девчонка не хрустнула и не сломалась, как фигурка из молочного стек-

ла, на которую была сейчас похожа. Терпеть не могу эти фигурки. Когда-то в приюте, почти сразу после того, как меня отловили слуги милосердия, я разбил драгоценную статуэтку кошки, ее наша попечительница притащила в кабинет начальницы. Две недели спал на животе.

Жаль, эту пока разбивать нельзя.

– Раз тебе лучше, будешь сейчас обедать, – заявил я мрачно и хлопнул дверью. Где там эта прислуга? Обещали мне свиной суп с чесноком и хрящами – где? Лично запихну в святую, посмотрим, как она отреагирует. В храме блаженную наверняка кормили фруктами и прочим нектаром. А мы ей хрящей с чесноком.

Хотя крысу она уже ела. Но все равно. Без чеснока! Храм эту травку как еду почему-то не признает. Разве что нечисть порой рекомендует ей отгонять. Но в рот – ни-ни.

Не знаю, как нечисть, те вовсе траву не жрут, никакую. А мне нравится. Так что на темных магов вообще не действует.

– Что это? – Пока я добывал огненный суп (еще и перца туда сыпанули от души), святая успела выпутаться из влажной простыни, заплести спасенные мною волосы в косу и кое-как натянуть свою алую робу.

– Еда. – Я поставил поднос с глубокой миской на стол, решительно пересек комнату и принялся без церемоний встряхивать дуру из раздражающих тряпок.

– Что?! – Она слабо трепыхнулась, попытавшись всмот-

реться в меня своей повязкой поперек лица. — Что вы делаете?

— Мозги вправляю. Кто тебя научил натягивать на свежие раны грязную одежду? — даже не рывкнул, сказал... хм... прошипел почти спокойно. Я невероятно терпелив и великодушен, вот что. — Предупредил же — не хватайся, отдам прачкам! Иногда головой надо думать, а не только в нее есть.

Девчонка на удивление почти сразу перестала брыкаться. И даже... улыбнулась. Ненормальная, шатт!

— Повязку тоже сними. Неизвестно, в каком де... в какой грязи ее валяли. — Я дернул плечами, выражая свое отношение к ситуации. Бесит! Дура. Я не так хотел отомстить!

— Спасибо, но с этим я разберусь сама, — ответила, все еще улыбаясь, Имран. Да, теперь я знаю ее имя. Имран Рохау. Ответила она, кстати, таким тоном, что с лету стало понятно — вот тут упрется насмерть. Проще по новой что-нибудь выжечь идиотке, чем снять с нее этот рваный лоскут.

— Когда в твоих ранах заведутся черви, никто не станет платить лекарям, — в конце концов сдался я, убирая руки от обмотанной вокруг ее лица гадости.

— Спасибо, я учту. Не надо так беспокоиться.

— Жрите, синьорита. — Я поставил перед святой чашку с варевом, предварительно слегка хлебнув. Хм, сносно, но кому-то придется проплакаться. Ничего, заодно пропотеет и не заболит.

Интересно, неужели за месяц можно так приспособиться

к слепоте? Хотя да... жить захочешь – и не такому научишься. Эта вон послушно отпустила одеяло, в которое куталась после ликвидации красного тряпья, накинула на тощие плечи мою рубашку (она ей оказалась до колен), села на кровати и безошибочно потянулась за ложкой. Ну, я ведь специально положил ее на поднос рядом с тарелкой, звонко стукнув о столешницу.

А все зачем? Затем, чтобы некая святая осознала мою искреннюю заботу. И продолжала чувствовать себя обязанной. Не пыталась снова сбежать. В общем, причин много.

Просто я тут пришел к выводу, что легче сразу держать ее при себе, чтобы отомстить в любой момент, когда мне захочется. А не бегать по всей Аллирии в поисках объекта, если вдруг приспичит. Отсутствие же у этой блаженной глаз – и вовсе практически подарок живых и мертвых богов. Сколько гадости можно натворить, а никто (в лице одной святой) и не заметит. Еще можно совсем не контролировать лицо, что тоже весомый плюс.

Глава 13

Алла

Наверное, нехорошо обманывать людей. Например, своего спасителя. Он ведь уверен, что я слепая.

Ну да, у меня нет глаз, и мои методы познания мира довольно своеобразны. Но я уже не слепая – во всяком случае, не совсем. А он корчит такие смешные рожи. То есть это в моем 3D-восприятии они такими выглядят.

И оттого мне не столько стыдно, сколько... забавно, наверное.

Потому что слова этого человека говорят одно, а движения, дыхание, прикосновения – совсем другое.

Он бухтел и ругался, но при этом в любой подходящий момент хватал меня и то кутал, то кормил, то ощупывал, словно не верил собственным глазам и пытался, как я, кончиками пальцев, найти рану. Или убедиться, что ее нет.

Это было очень непривычно. При всей своей тактильности я никогда не вступала в такой близкий контакт с людьми. Если только, конечно, это было не про секс и попытки поиграть в семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.